

**«Возови мя, Спасе, и спаси мя»
(По следам незабываемых встреч).
Очерк**

Петро Вінцукевич

*Верую, Господи! Помози моему неверию
Мр. 9. 24*

В просторном, но уютном кабинете пахло медициной. За широким дубовым столом сидел худенький, аскетического вида человек с землянистым, измученным лицом, и только живые глаза его все время искали что-то в пространстве. Он листал мою историю болезни и часто поглядывал на меня своим острым, каким-то испытующим взглядом, будто спрашивал: «А ты что за человек?» Я подумал: этот человек соткан из одних нервов, живет не для себя и измучил сердце за других. В очередной раз взглянув на меня, доктор Амосов деловито спросил:

– Ну и какие у вас проблемы с сердцем?

Но меня интересовало совсем другое: недавно я прочел его книгу «Мысли и сердце», а до этого познакомился с его философской доктриной убежденного материалиста, и мне не терпелось вступить с ним в спор. Даже неожиданно для самого себя я вдруг выпалил:

– Доктор, на этот раз меня интересует не мое здоровье, а проблема сознания и познания

Он иронически усмехнулся:

– В таком случае вам лучше обратиться к психологу.

– Но психология слишком субъективная наука, а я слышал, что вы увлекаетесь точными, так сказать, прикладными науками и даже мечтаете вместе со своими учениками создать искусственный интеллект, то есть построить модель человека. Мне эта затея очень напоминает

книги знаменитого французского материалиста Ламетри: «Человек-машина», «Человек-растение».

– И вам моя идея не нравится?

– Ваша искусственная модель никогда не станет человеком.

– Почему?

– Да потому, чтобы стать живым человеком, машина должна приобрести самосознание, то есть осознать себя как личность, способная отличать добро от зла.

На этот раз он раздраженно фыркнул:

– Так что вы от меня все-таки хотите?

– Я хочу знать истину.

– А что есть истина?

– Если вы читали Евангелие, то такой вопрос задал Христу Пилат.

– Ели не ошибаюсь, Христос не ответил ему.

– Христос не ответил потому, что римский патриций, воспитанной на философском скептицизме, не готов был воспринять истину Спасителя.

– Вы думаете, и я не готов?

– Вы готовы, потому что делаете людям много добра.

– Значит, можно делать добро и без Христа?!

– Было много людей, которые делали добро до Христа, например Спартак, но вы не понимаете, что источник добра – Бог, и без Него невозможно решать ни этических, ни социальных проблем...

Тут он взглянул на мою бородку:

– Вы-священник?

– Нет, я светский человек, но дипломант духовной академии

– Где учились?

– в Ленинграде.

– Тогда, наверное, бывали в подвале Казанского собора и видели оружие пыток, которыми истязали ваши «святые отцы» инакомыслящих?

Вызов был брошен и я пошел ва-банк:

– Христианство несовместно с инквизицией. Евангелие проникнуто любовью и милосердием даже к врагам. Думаю, что инквизиция – дело сатанинское, но поскольку вы как материалист и атеист отрицаете всякую мистику, я хочу обратить ваше внимание на исторические факты: за 400 лет инквизиции погибло 300 тысяч человек – это сделали, как вы выразились, наши «*святые отцы*», а вот ваши «*святые*

отцы» за один только 37-й год убили свыше одного миллиона человек, а за весь период господства вашей «передовой идеологии» было уничтожено 50 миллионов, если не больше, и это за 70 лет.

Мы замолчали оба, ибо тема становилась скользкой и опасной. Я подумал: надо как-то заинтересовать его, паче он меня прогонит, и я обратился к главному вопросу:

– Ваша философская концепция гласить: есть факты реальности и факты сознания. Бог, по-вашему, есть лишь фактор сознания, это понятие находится только в мозгу, это плод психики и фантазии.

Амосов утвердительно кивнул головой. Я выждал несколько секунд и продолжил:

– А материя – что это, по-вашему, фактор реальности?

Он снова утвердительно кивнул головой.

– Тогда давайте поставим вопрос: что же такое материя в ее сущности? Что в этом говорят не наши ощущения, а атомная физика и квантовая механика? Ведь всем известно, что качества ощущений не являются свойствами предметов. Только через человека и его мироощущения предметы выступают, как теплые и холодные, красные и зеленые, приятные (добрые) и неприятные (злые). Может быть, прав епископ Беркли, утверждающий, что материя – это связь ощущений. А что же говорит атомная физика и квантовая механика? Они говорят: нет мельчайшей твердой частицы материи, как думал Демокрит и его последователи. На самом деле мельчайшие частицы материи делятся до бесконечности и превращаются в фотон (квант света), ступок энергии, который не имеет даже удельного веса. Между прочим, современной наукой установлено, что первейшая основа мира не материя, а энергия, и первый вид энергии – световая энергия, – вспомните Библию: «Да будет свет!». Итак, вою картину мир создает наша психика, наш мозг. Но и сам мозг, как и вся материя, в конце концов превращаются в навоз, в дерьмо. Так что же есть и чего нет, что есть реальный фактор и фактор сознания?

– И что же есть?

– Есть единая, вечно живая субстанция, полнота бытия – Бог.

Мне показалось, что его заинтересовал наш спор; это подбодрило меня, и я уже знал, что он не выгонит меня, и потому продолжил:

– А теперь разрешите мне сказать несколько слов о душе и о психике. Без души не может быть психику. Скажите, как врач и философ,

где, в каких нейронах головного мозга движения этих материальных частиц превращаются в психическое явления. Ведь мы чувствуем не просто движения, а конкретные духовные состояния: мы чувствуем, например, любовь, ненависть, сострадание, радость, милосердие, угрызение совести, а не молекулярные колебания и химические превращения. Не знаете? И знать не можете!

Он снова иронически улыбнулся:

– А вы знаете?!

– А мы знаем. Мы знаем: психические состояния рождаются в душе, а источник души – Бог. И ваша великая, самоотверженная, полная служения людям жизнь тоже имеет своим источником Бога. Это Бог сделал вас таким добрым и милосердным. Вы – христианин, который в силу социально-политических обстоятельств оказался вне христианства. Вот атеизм – это мода, веяние времени, это только пыль позади вас – человека, охваченного тревогою богоискания. Атеизм не так страшен, как, например, равнодушие. Атеизм – это этап познания, это отрицание на пути к утверждению, и многие мыслители прошли этот путь. И вы пройдете и встретитесь с Богом, ибо на смертном одре нет атеистов.

Николай Михайлович отложил в сторону историю моей болезни и решительно встал:

– Мне надо готовиться к операции. Приезжайте ко мне через год, подлечим ваше сердце и продолжим наш интересный разговор...

Я приехал на встречу с ним через год, но уже не застал в живых – он умер 12 декабря 2002 года на 90-м году жизни от инфаркта.

В огромном зале, заваленном цветами и венками, не было где яблоку упасть – казалось, собрался весь медицинский мир: все несли свой низкий поклон человеку, который всю жизнь делал добро и спас тысячи жизней. Я подошел к гробу, обитому изнутри белым бархатом, и, кажется единственный из присутствующих перекрестился – в зале послышался легкий гул то ли одобрения, то ли возмущения, я так и не понял. Он лежал, плотно сжав тонкие губы, и на его лице застыла печать задумчивости и умиротворения, будто он наконец нашел ту истину, которую мучительно искал всю жизнь. Пахло свежими цветами, слышался сдержанный шепот, а я тихо шептал: *«Господи, упокой душу раба Твоего Николая, не знающего Тебя, но исполнившего Твою самую главную заповедь – заповедь любви...»*.

А на третий день в Лавре кто-то из родственников или друзей заказал отпевание. Я не мог не пойти туда, ибо, как мне казалось, только там должен был окончиться наш спор. Почему-то пел не хор, а один молодой диакон. Красивый и сильный баритон выводил знаменитые ирмосы на погребение мирских челок и они громко, но молитвенно наполняли храм: «Благословен еси, Господи, научи мя оправданиям Твоим» ... «Погибшая овца аз есмь, воззови мя, Спасе, и спаси мя» ...

Я опять вспомнил задумчивое и умиротворенное лицо усопшего, и мне представилась совершенно другая картина: там, на другом берегу вечной жизни. Там встретил его Христос и за добрые, милосердные дела не отверг от лица Своего. Он сказал ему, как когда-то апостолу Фоме: «... Подай руку твою и вложи в рёбра Мои; и не будь неверующим, но верующим». И раб Божий Николай, преклонив колени, смиренно повторил слова апостола Фомы: «Господь мой и Бог мой» (Ин. 20. 27,28).